

На правах рукописи

Глазунов Алексей Юрьевич

**ЗАЩИТА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ
ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЬНЫХ
ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА**

Специальность 12.00.03 – гражданское право;
предпринимательское право; семейное право;
международное частное право

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва
2022

Диссертация выполнена в федеральном государственном научно-исследовательском учреждении «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»

Научный руководитель: **Гутников Олег Валентинович,**
доктор юридических наук, главный научный сотрудник, и.о. заведующего отделом гражданского законодательства и процесса федерального государственного научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»

Официальные оппоненты: **Шиткина Ирина Сергеевна,**
доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права юридического факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»;

Кузнецов Александр Анатольевич,
кандидат юридических наук, профессор департамента частного права факультета права федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Ведущая организация: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия»

Защита диссертации состоится «28» марта 2022 года в 11 часов на заседании диссертационного совета Д 503.001.01 при Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительств Российской Федерации по адресу: 117218, Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, д. 34.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительств Российской Федерации – www.izak.ru.

Автореферат разослан «___» _____ 2022 года.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат юридических наук

О.В. Сергеева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Проблематика защиты имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ становится все более острой, актуальной и дискутируемой в современном российском корпоративном праве. Это обусловлено целым рядом обстоятельств.

Во-первых, сам хозяйственный оборот и правоприменительная практика свидетельствуют о том, что именно ущемление имущественных прав и интересов участников является одним из наиболее острых и распространенных направлений, по которому возникают многочисленные корпоративные споры и конфликты, сопровождающиеся зачастую разнообразными злоупотреблениями. Среди наиболее типичных и распространенных можно выделить злоупотребления, связанные с увеличением уставного капитала (сопровождающимся размыванием долей отдельных участников), с принятием решений о распределении прибыли корпорации, с манипуляциями с коэффициентом конвертации акций (долей) в ходе реорганизации, с процедурой добровольного и обязательного предложения и вытеснения миноритариев, а также целый ряд иных категорий злоупотреблений. При этом в большинстве случаев данные категории злоупотреблений могут быть не сопряжены с причинением какого-либо ущерба корпорации, однако могут наносить существенный вред имущественному положению участников. Обозначенная проблема еще больше обостряется в связи с тем, что в нашей стране преобладают корпорации с высоким уровнем концентрации акционерного капитала, причем речь идет не только о непубличных, но и о публичных обществах.

Во-вторых, несмотря на то, что к настоящему моменту в российском корпоративном праве сложились определенные механизмы защиты прав и интересов корпорации и ее участников, данные средства защиты трудно назвать достаточными для целей реального восстановления нарушенных

имущественных прав и интересов участников корпорации, и не позволяют защищать их даже от многих достаточно типичных категорий злоупотреблений (в том числе обозначенных выше). Речь, прежде всего, идет об опосредованной модели защиты, предполагающей возможность оспаривания сделок, а также взыскание убытков с директоров и контролирующих участников в пользу корпорации на основании производных исков, заявляемых участниками и директорами корпорации от ее имени. Именно опосредованная модель защиты получила широкое развитие на уровне законодательства, доктрины и правоприменительной практики нашей страны (в особенности институты оспаривания экстраординарных сделок и ответственности директоров). Однако, как обосновано в диссертации, эта модель, хотя и может в некоторых случаях косвенно восстанавливать нарушенные имущественные интересы участников, на практике зачастую оказывается совершенно неэффективной для целей защиты интересов именно участников, а не самой корпорации, особенно в ситуации, когда речь идет о причинении участникам непосредственного ущерба, не являющегося производным от ущерба корпорации.

Российскому корпоративному праву также известны иные достаточно сильные средства защиты прав и интересов корпорации и ее участников, получившие широкое развитие в законе и правоприменительной практике, а также глубокую доктринальную разработку. Речь, прежде всего, идет об институтах исключения участников и об оспаривании решений собраний участников. Однако и эти средства защиты зачастую оказываются неэффективными для целей защиты нарушенных имущественных прав и интересов участников. Так, институт исключения участников не только не позволяет восстановить нарушенные имущественные интересы, но и предполагает выплату обществом действительной стоимости доли (акций непубличного АО) в пользу исключаемого участника, что может оказать негативное влияние на имущественное положение корпорации и косвенно ее

участников. Оспаривание же корпоративных решений, хотя в некоторых случаях и позволяет лишить юридической силы решения, ущемляющие имущественные интересы отдельных участников, зачастую оказывается недоступным способом защиты с учетом существенных законодательных ограничений в его использовании (например, очень короткий срок исковой давности, условия для оспаривания корпоративных решений, основания для отказа судом в удовлетворении требований), которые обусловлены значительными рисками для стабильности хозяйственного оборота в связи с использованием столь сильного способа защиты. Кроме того, данный способ защиты не является действенным и в тех случаях, когда речь идет об оспаривании так называемых отрицательных корпоративных решений (например, о решении не выплачивать дивиденды).

В то же время участникам российских хозяйственных обществ по-прежнему не доступны компенсаторные способы защиты своих имущественных интересов в ситуации, когда опосредованная модель защиты по тем или иным причинам не позволяет достигнуть соответствующей цели. Незащищенным (и во-многом декларативным) остается и столь фундаментальное имущественное право участников как право на получение дивидендов. В условиях полной и почти не ограниченной законодателем и судами дискреции общего собрания участников по вопросу об объявлении дивидендов позиция контролирующего участника (и номинированных им членов совета директоров) становится определяющей, что зачастую приводит к многочисленным злоупотреблениям и выплате фактических дивидендов иными способами без участия миноритариев в распределении прибыли.

Таким образом, арсенал средств защиты имущественных прав и интересов участников российских хозяйственных обществ остается очень ограниченным, а имеющиеся средства защиты далеко не всегда оказываются эффективными. При этом, как ни странно, одним из наименее развитых средств защиты имущественных прав и интересов участников оказался институт возмещения убытков, являющийся наиболее базовым и

основополагающим способом защиты гражданских прав и наиболее ярко характеризующий компенсаторно-восстановительную природу гражданско-правовой ответственности.

В-третьих, даже в том случае, когда ущерб имущественным правам и интересам участников является следствием ущерба, причиненного корпорации, опора на опосредованную модель защиты, реализуемую посредством производного иска, далеко не всегда позволяет реально восстановить нарушенные имущественные права и интересы участников: например, когда косвенно пострадавший участник уже продал принадлежащие ему акции или доли, когда корпорация была добровольно ликвидирована и ущерб был обнаружен позднее, когда ущерб причиняет контролирующий участник и связанные с ним директора и т.д. Это также позволяет поставить ребром вопрос о достаточности существующего арсенала средств защиты участников и о его расширении.

В-четвертых, актуальность темы исследования подтверждается и правоприменительной практикой нашей страны, в которой вопросы защиты имущественных прав и интересов участников постепенно выходят на первый план. Наиболее отчетливо это проявилось в недавнем Обзоре судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утв. Президиумом ВС РФ 25.12.2019 г. (далее – **«Обзор ВС РФ по корпоративному праву»**). Значительная содержательная часть данного документа (например, пункты 4, 12, 13, 15, 17 и 19 Обзора ВС РФ по корпоративному праву) посвящена вопросам ущемления и защиты имущественных интересов участников хозяйственных обществ: в частности, в связи с невыплатой дивидендов, размыванием долей участия, совершением сделок на нерыночных условиях, выкупом акций и долей миноритариев. При этом, как обосновано в диссертации, в условиях *de lege lata* ограниченного арсенала средств защиты имущественных интересов участников ВС РФ оказался вынужден расширительно и даже творчески толковать существующие нормы законодательства (в частности, касающиеся

опосредованной модели защиты) и подстраивать их под нужды защиты участников (как, например, в пункте 17 Обзора ВС РФ по корпоративному праву), что на практике не всегда оказывается эффективным и создает целый комплекс дополнительных проблем.

Итак, с учетом приведенных выше аргументов представляется, что проблематика защиты имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ является чрезвычайно актуальной как с теоретической, так и с прикладной точки зрения.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, складывающиеся в связи с осуществлением и защитой имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ.

Предмет диссертационного исследования составляют правовые нормы, правоприменительная практика, доктрина (как России, так и ряда зарубежных стран), а также комплекс теоретических и практических направлений и тенденций в сфере осуществления и защиты имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ.

Следует отметить, что предмет диссертационного исследования не носит исчерпывающего характера и не ставит своей целью рассмотреть все возможные и существующие способы защиты имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ. Проблематика исследования раскрыта на примере отдельных институтов гражданского права, которые, на наш взгляд, позволяют наиболее ярко продемонстрировать недостаточность существующих средств защиты и показать наиболее острые и актуальные направления дальнейшего развития законодательства и правоприменительной практики в данной области. В связи с этим в рамках главы 1 диссертации автором подробно рассмотрена проблематика разграничения и смешения двух важнейших моделей защиты имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ: опосредованной (как получившей наибольшее развитие в законодательстве, доктрине и судебной практике) и непосредственной (как наименее

разработанной в российском корпоративном праве и требующей своего существенного развития).

В рамках диссертационного исследования речь преимущественно идет о компенсаторных способах защиты, предполагающих присуждение участнику или корпорации денежного возмещения, направленного на восстановление нарушенных имущественных прав и интересов. Концентрация внимания именно на данном аспекте обусловлена актуальностью темы исследования: с одной стороны, базовым и фундаментальным характером института возмещения убытков, выражающего компенсаторно-восстановительную природу гражданско-правовой ответственности, а с другой стороны, его недостаточной развитостью в корпоративном праве нашей страны (см. выше). В то же время исследование затрагивает и некоторые иные механизмы защиты нарушенных имущественных прав и интересов участников, предполагающие прямое или косвенное их восстановление в широком смысле: о признании недействительной и применении последствий недействительности сделки, совершенной корпорацией (в рамках главы 1, где речь идет об опосредованной модели защиты), а также о специальном комплексном способе защиты права на получение дивидендов (в рамках главы 4).

Такие способы защиты как признание недействительным решения собрания корпорации, исключение участника, квазивиндикация акций, восстановление корпоративного контроля, выкуп обществом или иными участниками акций (долей) и целый ряд иных способов защиты, не входят в предмет диссертационного исследования. Однако при необходимости, в том числе для целей сопоставления с исследуемыми нами способами защиты, мы также обращаемся к ним.

Также следует отметить, что, поскольку диссертационное исследование посвящено защите имущественных прав и интересов именно участников хозяйственных обществ (и в некоторых случаях – взаимосвязанных с ними интересов самих хозяйственных обществ), проблематика защиты иных

категорий интересов, которые также могут быть актуальны для корпоративного права (например, интересов кредиторов, работников, иных третьих лиц), остается за его рамками. При этом, на наш взгляд, несмотря на получающую все более и более широкое развитие в зарубежном корпоративном праве теорию «стейкхолдеров» (т.н. *stakeholders theory*), в основе которой лежит идея о том, что корпоративное право должно защищать не только интересы участников корпораций, но и интересы кредиторов, работников, третьих лиц и общества в целом, цель защиты имущественных интересов участников от злоупотреблений не только не вступает в противоречие с данной теорией, но и дополняет ее. Действительно, незащищенность участников корпораций даже от наиболее типичных категорий злоупотреблений может дестимулировать инвестиционную деятельность и, в свою очередь, вызывать негативные последствия как для экономики государства в целом, так и для третьих лиц. В то же время там, где это представляется обоснованным, мы учитываем в рамках нашего анализа интересы третьих лиц, которые могут затрагиваться или вступать в противоречие с интересами участников в связи с рассматриваемыми способами защиты (как, например, в случае с возмещением отраженных убытков (глава 3)).

Наконец, говоря об объекте и предмете диссертационного исследования, хотелось бы обратить внимание на то, что оно ограничено вопросами защиты имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ в плоскости материального права и не включает в себя анализ вопросов процессуального права. Исключение составляют вопросы, находящиеся на стыке материального и процессуального права: такие как распределение бремени доказывания и конкуренция (пересечение) способов защиты прав имущественных прав и интересов участников.

Цели и задачи исследования. Целями диссертационного исследования являются: (1) установление критериев разграничения непосредственной и опосредованной моделей защиты имущественных прав и

интересов участников хозяйственных обществ; а также (2) в условиях недостаточного развития непосредственной модели защиты в корпоративном праве России и действия принципа специалитета корпоративной ответственности – обоснование и разработка специальных способов защиты имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ в рамках непосредственной модели защиты, которые учитывали бы потребность в соблюдении баланса между интересом участников, имущественные права и интересы которых нарушены и нуждаются в эффективной защите, и интересом корпорации и иных ее участников в отсутствии избыточного и неоправданного вмешательства правовой системы в процесс принятия решений в корпорации.

Для достижения данных целей нами были поставлены следующие **задачи**:

1) Выявить и критически оценить уже существующие в доктрине критерии разграничения непосредственной и опосредованной моделей защиты имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ. В случае недостаточности существующих критериев для целей разграничения непосредственной и опосредованной моделей защиты - установить иные критерии разграничения данных моделей защиты.

2) Определить правовой статус и специфику правового положения участника, действующего от имени корпорации в рамках опосредованной модели защиты. Проиллюстрировать полученные теоретические выводы на конкретных проблемах, возникающих в российской правоприменительной практике.

3) Оценить уже существующие в российском корпоративном праве механизмы защиты имущественных прав и интересов участников на предмет их достаточности для целей реального восстановления нарушенных имущественных прав и интересов участников (в частности, в ситуации, когда речь идет о причинении участнику персонального ущерба, не связанного с ущербом корпорации).

4) С учетом опыта зарубежных юрисдикций и специфики российского корпоративного права обосновать и разработать специальные способы непосредственной защиты имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ: возмещение убытков в рамках института прямой ответственности участника перед участником, институт возмещения отраженных убытков, специальный комплексный способ защиты права на получение необъявленных дивидендов.

5) Критически оценить возможные политико-правовые аргументы в пользу и против имплементации в российское корпоративное право специальных способов защиты имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ, указанных в п. 4 выше. Проанализировать возможные проблемы теоретического и практического характера, которые могут возникнуть в связи с такой имплементацией. По результатам проведенного анализа предложить способы решения данных проблем, которые учитывали бы специфику российской правовой системы.

Степень разработанности темы и научная новизна диссертационного исследования. Хотя проблематика защиты имущественных прав и интересов участников корпораций не находилась в центре специализированных научных исследований дореволюционных ученых-цивилистов, в целом ряде их работ, посвященных вопросам гражданского и корпоративного права, прямо или косвенно анализировались отдельные вопросы, связанные с данной проблематикой (в частности, в работах И.А. Каминки, И.А. Покровского, И.Т. Тарасова, Г.Ф. Шершеневича). Так, И.Т. Тарасов одним из первых обратил внимание на проблему соотношения требований в защиту интересов корпорации и в защиту интересов акционеров, которая впоследствии станет одной из центральных в зарубежной науке корпоративного права при рассмотрении проблематики отраженных убытков.

Большую ценность для целей диссертационного исследования представляют и общетеоретические труды советских цивилистов,

посвященные вопросам осуществления и защиты гражданских прав, гражданским правоотношениям, категории интереса в гражданском праве, ценным бумагам и т.д. (в частности, труды М.М. Агаркова, С.Н. Братуся, В.П. Грибанова, О.С. Иоффе, Ю.К. Толстого). Многие точечные вопросы защиты имущественных прав и интересов участников корпорации в конечном счете выводят нас на более общие и фундаментальные вопросы гражданского права, глубоко исследованные данными авторами.

На современном этапе проблематике защиты имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ уделяется гораздо больше внимания в отечественной доктрине корпоративного права. В частности, к ней обращались такие ученые как Т.С. Бойко, А.В. Габов, В.А. Гуреев, О.В. Гутников, А.А. Кузнецов, Д.В. Ломакин, С.А. Сеницын, Д.И. Степанов, Е.А. Суханов, И.С. Шиткина.

Особого внимания заслуживают работы Т.С. Бойко, посвященные защите прав и интересов миноритариев¹, а также работа Д.И. Степанова, касающаяся ответственности акционера перед акционером². В данных работах авторы анализируют вопросы, часть из которых также стала предметом рассмотрения в настоящей работе: например, институт ответственности участника перед участником и защита права на получение дивидендов. Вместе с тем следует учитывать, что статья Д.И. Степанова в большей степени преследовала цель постановки проблемы в самом общем виде, а диссертация Т.С. Бойко посвящена защите миноритарных участников непубличных обществ, а значительная ее часть содержит сравнительно-правовой анализ по праву Великобритании и США (хотя в ней также содержатся очень ценные выводы применительно к российскому корпоративному праву и предложения по его дальнейшему развитию).

¹ Бойко Т.С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 290 с.; Бойко Т.С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании. Москва: Статут, 2019. 255 с.

² Степанов Д.И. Ответственность акционера перед акционером: возможна ли постановка такой проблемы? // Корпоративный юрист. 2008. № 11. С. 8-23.

Вопросы защиты имущественных прав и интересов участников корпораций также анализировались зарубежными авторами, представляющими как англо-саксонскую, так и континентально-европейскую правовую семью: в частности, A. Cahn, P. H. Conac, B.J. De Jong, H. De Wulf, F.H. Easterbrook, L. Enriques, D.R. Fischel, M. Gelter, C. Gerner-Beuerle, D.S. Kleinberger, A.K. Koh, C. Mitchell, L.E. Ribstein, M. Schilling и другие.

Специфика и научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

1) Установлены критерии разграничения непосредственной и опосредованной моделей защиты имущественных прав и интересов участников. При этом наряду с критерием субъекта, которому непосредственно предоставляется защита, автором также предложен дополнительный критерий направленности защиты интересов. С учетом правоприменительной практики обоснована недопустимость смешения непосредственной и опосредованной моделей защиты. Важность разграничения непосредственной и опосредованной моделей защиты (с учетом рассмотренных в исследовании критериев их разграничения) продемонстрирована на примере с исчислением сроков исковой давности по производным искам, который является особенно актуальным в свете правоприменительной практики последних лет.

2) Впервые в доктрине российского корпоративного права произведен комплексный политико-правовой анализ института отраженных убытков, учитывающий различные аргументы как в пользу, так и против введения данного института в позитивное право нашей страны, а также различные ситуации, в которых его применение может быть актуальным. По результатам данного анализа обоснована *de lege ferenda* принципиальная допустимость применения данного института, однако на субсидиарной и исключительной основе.

3) Обоснован сбалансированный подход к защите права на получение необъявленных дивидендов, учитывающий, с одной стороны,

недопустимость избыточного правового регулирования и пересмотра судами коммерческих решений, принимаемых в корпорации, а с другой стороны, потребность в защите миноритариев от злоупотреблений контролирующими участниками. Разработан и обоснован как с политико-правовых, так и с догматических позиций специальный комплексный способ защиты права участников на получение необъявленных дивидендов. При этом учтены возможные трудности в связи с введением данного способа защиты в российское корпоративное право (в частности, вопросы распределения бремени доказывания и определения размера дивидендов).

4) Автором не только обоснована необходимость введения в российское корпоративное право института ответственности участника перед участником, но и раскрыто содержание данного института через призму основных элементов ответственности в российском гражданском праве (противоправность, ущерб, причинно-следственная связь, вина). Кроме того, обосновано применение правила делового решения к институту ответственности участника перед участником, а также в случае с принятием решения о невыплате дивидендов.

5) Диссертационное исследование не ограничивается только проблематикой защиты имущественных прав и интересов миноритариев, а также участников непубличных корпораций. Как показано в диссертации, рассматриваемые в ней институты отраженных убытков, ответственности участников перед участниками и защита права на получение дивидендов могут являться не менее актуальными и в иных ситуациях: например, при конфликте между участниками совместных предприятий, ни один из которых не является миноритарным. Кроме того, специфика российской юрисдикции позволяет говорить о том, что конфликт между мажоритариями и миноритариями может быть не менее актуальным и для публичных корпораций (с учетом большого числа публичных корпораций с контролирующим участником, а также недостаточно развитого рынка ценных бумаг в сравнении со странами общего права).

б) Хотя диссертационное исследование не является компаративным, в целом ряде случаев автор обращается к опыту зарубежных юрисдикций, где анализируемые правовые институты получили свое развитие в позитивном праве, правоприменительной практике и доктрине. При этом автор не ограничивается опытом стран общего права (Великобритания и США), но также обращается к опыту континентально-европейских юрисдикций (Франция и Германия), которые исторически оказывали даже более существенное влияние на гражданское право нашей страны.

Теоретическую основу исследования составляют научные труды российских и зарубежных правоведов, в которых исследуются вопросы, связанные с защитой имущественных прав и интересов участников корпораций, а также общие вопросы гражданского и корпоративного права, имеющие значение для целей настоящего исследования.

Нормативную основу исследования составляют правовые нормы гражданского и корпоративного права России и зарубежных стран, регулирующие осуществление и защиту имущественных прав и интересов участников корпораций.

Эмпирическую основу исследования составляют материалы правоприменительной практики России и зарубежных стран, связанные с проблематикой осуществления и защиты имущественных прав и интересов участников корпораций.

Методологическую основу исследования составляют как общенаучные (в частности, диалектический метод, логический метод, анализ и синтез, дедукция и индукция, аналогия, абстрагирование и др.), так и специально-юридические методы познания (в частности, сравнительно-правовой, формально-юридический, метод правового моделирования, метод правового прогнозирования и др.). Также для обоснования ряда тезисов мы опираемся на методологию экономического анализа права, позволяющую учесть специфику регулируемых общественных отношений, а также цель и предназначение определенных правовых норм.

Основные научные положения, выносимые на защиту. По результатам проведенного исследования автором сформулированы следующие основные научные положения, выносимые на защиту:

1) В целях дифференциации моделей защиты имущественных прав и интересов в корпоративных отношениях на непосредственную и опосредованную автором обоснован критерий направленности защиты интересов в дополнение к уже известному в доктрине критерию адресата предоставления защиты. Критерий направленности защиты интересов исходит из того, что непосредственная модель защиты направлена на защиту имущественных интересов участников корпорации, в то время как опосредованная модель защиты направлена на защиту интересов самой корпорации.

Хотя удовлетворение косвенного иска в некоторых случаях может создавать предпосылки для восстановления нарушенных имущественных интересов участников, связь между восстановлением имущественных интересов корпорации и ее участников не является линейной, а зачастую у участников может отсутствовать какой-либо интерес прибегать к опосредованной модели защиты. Наделение участников корпорации правом обращаться в суд с производным иском прежде всего обусловлено необходимостью преодолеть проблему конфликта интересов лиц, одновременно выступающих от имени корпорации и являющихся потенциальными причинителями ущерба ей, нежели защитой интересов конкретных участников. Ровно по этой же причине аналогичным правом наделяются члены совета директоров, хотя их персональный интерес в заявлении производного иска является еще менее очевидным и выраженным, чем интерес участников. Таким образом, происходит расширение потенциального круга субъектов, обладающих правом действовать в защиту интересов корпорации, у которых отсутствует конфликт интересов при принятии решения о необходимости в такой защите. Именно поэтому следует признать обоснованным закрепление в п. 1 ст. 65.2 Гражданского

Кодекса Российской Федерации¹ (далее – «ГК РФ») представительского статуса участников в рамках опосредованной модели защиты.

2) В настоящее время, в условиях недостаточного развития непосредственной модели защиты в отечественном корпоративном праве, правоприменительная практика, осознавая очевидную несправедливость оставления участников хозяйственных обществ без должной защиты, прибегает к расширительному толкованию существующих норм, допуская смешение прямого и косвенного иска. Наиболее распространенным способом такого смешения является отождествление интересов корпорации и интересов конкретных ее участников в рамках конкретного спора. Однако подобный прием, на наш взгляд, является субоптимальным, поскольку он, с одной стороны, не позволяет достигнуть цели эффективной защиты имущественных прав и интересов участников (например, в ситуации с *de facto* дивидендами), а с другой стороны, создает дополнительные сложности, снижая уровень правовой определенности и повышая уровень нестабильности оборота.

В связи с этим единственным эффективным способом решения проблемы видится развитие *de lege ferenda* непосредственной модели защиты имущественных прав и интересов участников на уровне корпоративного законодательства.

3) Опосредованная модель защиты не позволяет защитить имущественные права и интересы участников в ситуации, когда имущественный ущерб причиняется непосредственно самому участнику и не является следствием ущерба корпорации. С учетом этого (а также в условиях высокого уровня концентрации акционерного капитала) особенно актуальным для нашей страны становится введение института ответственности участника перед участником, в той или иной степени известного многим зарубежным правовым порядкам.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

Представляется, что в условиях, когда в силу принципа большинства отдельные участники могут определять имущественное положение не только самой корпорации, но и иных участников, а компетенция общего собрания может быть достаточно обширной (что особенно характерно для стран с высокой концентрацией акционерного капитала), участники хозяйственных обществ должны нести фидуциарные обязанности перед другими участниками (и, соответственно, нарушение таких обязанностей должно влечь прямую ответственность участника перед участником при наличии иных необходимых оснований для привлечения к ответственности). При этом, учитывая двойственность правового положения участников (имея возможность влиять на имущественную массу корпорации и иных участников, они одновременно являются собственниками принадлежащих им акций или долей), объем и интенсивность таких обязанностей должны быть выше, чем общая обязанность действовать добросовестно и не допускать злоупотребление правом (п. 3 ст. 1 и ст. 10 ГК РФ), но ниже, чем фидуциарные обязанности добросовестного и разумного поведения директоров хозяйственных обществ. Нарушения фидуциарных обязанностей участников перед другими участниками должны составлять такие действия, которые приводят к извлечению участниками особых преимуществ, непропорциональных их доле участия, если в результате таких действий причиняется или создается угроза причинения ущерба интересам других участников, и если такие действия не обусловлены интересами самого общества (за исключением случаев, когда отступление от принципа пропорциональности согласовано всеми участниками общества единогласно).

4) Обосновано, что институт ответственности участника перед участником должен предусматривать защиту решений участников правилом делового решения. Это означает, что суды не должны оценивать коммерческую целесообразность решений участников корпорации (например, решений об увеличении уставного капитала, о распределении

прибыли корпорации, о реорганизации и т.д.), даже если впоследствии оказалось, что соответствующее решение является коммерчески неудачным. Законность и обоснованность таких решений должны презюмироваться, а соответствующие решения, по общему правилу, не должны влечь прямую ответственность участников. Иное, т.е. факт нарушения участником фидуциарных обязанностей при принятии корпоративных решений, должно быть доказано участником, заявляющим соответствующие требования.

Вместе с тем, учитывая проблему асимметрии информации и слабую развитость процессуальных механизмов получения доказательств в российском праве, представляется, что судебной практикой должен быть выработан механизм упрощенного перераспределения бремени доказывания: например, если участник, заявляющий о привлечении другого участника к ответственности, обосновал, что у общества отсутствовала разумная потребность в увеличении уставного капитала (скажем, если у общества имелось достаточно собственных средств для реализации запланированного инвестиционного проекта), то уже участник, в отношении которого ставится вопрос о привлечении к ответственности, должен обосновать разумность таких мер и, соответственно, соблюдение им фидуциарных обязанностей перед другими участниками. Аналогичный подход к распределению бремени доказывания уже известен российской правоприменительной практике в контексте ответственности директоров хозяйственных обществ, а также многим континентально-европейским правовым порядкам.

5) Использование производного иска далеко не всегда позволяет восстановить нарушенные имущественные интересы участников и в тех случаях, когда причиненный им ущерб является лишь следствием ущерба корпорации (например, ввиду снижения стоимости акций). Возмещение участникам отраженных убытков может быть особенно актуальным в следующих ситуациях: (а) ущемление интересов миноритариев; (б) ущемление интересов участников совместных предприятий, не являющихся ни контролирующими, ни миноритарными; (с) при юридической или

фактической невозможности возмещения убытков самим обществом; (d) при продаже акций (долей) участником, понесшим отраженные убытки; (e) при неподаче косвенного иска или заключении обществом мирового соглашения.

Вместе с тем гипотетическая допустимость возмещения отраженных убытков порождает комплекс проблем, в связи с которыми данный институт не нашел своей поддержки в континентально-европейских правовых порядках и очень ограниченно используется в странах общего права. В частности, институт отраженных убытков порождает проблему двойного возмещения (и корреспондирующую ей проблему двойной ответственности), проблему ущемления интересов кредиторов общества и иных участников общества, проблему вторжения в сферу компетенции органов управления общества, проблему множественности и конкуренции требований.

б) С учетом проведенного политико-правового и компаративного анализа автором обосновано, что *de lege ferenda* российское корпоративное право должно допустить взыскание участниками отраженных убытков с директоров и контролирующих участников, однако лишь в субсидиарном порядке и при выполнении следующих условий: (a) имущественные права и интересы участников общества нарушены; (b) иные способы защиты (прежде всего в рамках опосредованной модели защиты) не позволяют эффективно восстановить нарушенные права и интересы таких участников (т.е. субсидиарный характер требования); (c) отсутствует риск двойного возмещения (двойной ответственности); (d) отсутствует риск ущемления интересов кредиторов в условиях имеющегося или возможного банкротства корпорации, и (e) отсутствует риск ущемления интересов иных участников помимо участника-истца, а также помимо тех участников, которые, сами действуя недобросовестно и неразумно, способствуют возникновению убытков у корпорации.

С учетом данных ограничений институт возмещения отраженных убытков следовало бы рассматривать в качестве экстраординарного и очень

ограниченного с точки зрения сферы применения способа защиты имущественных интересов участников корпораций.

7) По итогам проведенного политико-правового анализа обосновано, что закрепленный в действующем корпоративном законодательстве России подход, предполагающий полную и ничем не ограниченную дискрецию совета директоров и общего собрания участников хозяйственных обществ в вопросе о распределении прибыли, является оптимальным для стран с преобладающей распыленной структурой акционерного капитала и развитым фондовым рынком, поскольку в таких странах недобросовестное поведение директоров сдерживается рыночными внеправовыми механизмами. В то же время в странах с концентрированной структурой акционерного капитала, к которым относится Россия, данный подход нельзя назвать оптимальным, поскольку при отсутствии разумных правовых ограничений столь широкой дискреции общего собрания участников и совета директоров возникает благоприятная почва для многочисленных и практически неконтролируемых злоупотреблений со стороны контролирующих участников и директоров (например, выплата *de facto* дивидендов без участия миноритариев в распределении прибыли).

8) Автором обоснована необходимость введения в российское корпоративное право специального способа защиты права на получение необъявленных дивидендов. Предлагаемый способ защиты должен быть комплексным и включать в себя три параллельно и в совокупности используемых средства защиты: (а) требование о признании недействительным решения общего собрания участников о невыплате дивидендов, а также, если применимо, решения совета директоров АО о рекомендации не выплачивать дивиденды либо выплачивать их в символическом или явно заниженном размере; (b) требование о признании решения общего собрания (совета директоров, если применимо) о выплате (рекомендации выплаты) дивидендов принятым на условиях, указанных в решении суда (т.е. принятие судом позитивного волеизъявляющего решения);

а также (с) требование об уплате участникам дивидендов в размере, определенном волезамещающим решением суда.

При этом, как и в случае с прямой ответственностью участников, решение о выплате или невыплате дивидендов должно быть защищено правилом делового решения: т.е. суд не должен оценивать коммерческую целесообразность решения о невыплате дивидендов, а законность такого решения должна предполагаться (с возможностью опровержения данной презумпции). Однако в целях преодоления объективно существующей информационной асимметрии миноритарным участникам должна быть предоставлена возможность упрощенного перераспределения бремени доказывания: например, если миноритарий обосновал, что дивиденды фактически распределяются в пользу контролирующего участника без участия миноритария, или обществом исторически принимались решения о невыплате дивидендов, что сопровождалось аккумулярованием значительного объема денежных резервов, которые не использовались в его операционной деятельности.

9) В ситуации, когда миноритарными участниками с разумной степенью достоверности доказан факт выплаты фактических дивидендов в пользу контролирующего участника на непропорциональной основе (и их размер), *de lege ferenda* вместо обозначенного выше специального способа защиты следует допустить возможность взыскания миноритариями убытков с контролирующего участника *pro rata* долям миноритариев, исчисляемых от общей величины фактически уплаченных в пользу контролирующего участника дивидендов. Юридическим основанием для такой ответственности должно быть нарушение контролирующим участником фидуциарных обязанностей перед другими участниками общества.

Теоретическая и практическая значимость исследования. С теоретической точки зрения выводы, идеи и аргументы, содержащиеся в диссертационном исследовании, развивают и дополняют науку гражданского и корпоративного права в части обоснования направлений

совершенствования системы способов защиты имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ.

С практической точки зрения результаты диссертационного исследования могут быть использованы как в законотворческой деятельности (в частности, в связи с совершенствованием законодательства в области защиты имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ), так и в правоприменительной деятельности (при разрешении споров, затрагивающих имущественные права и интересы участников). Также исследование может быть актуальным для целей учебного процесса, в рамках преподавания курсов гражданского и корпоративного права.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Основные тезисы и предложения, высказанные автором в диссертационном исследовании, нашли свое отражение в научных статьях диссертанта, опубликованных в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Целый ряд ключевых тезисов диссертации был также представлен диссертантом в качестве докладов на следующих научных мероприятиях:

- 1) «Дни науки факультета права НИУ ВШЭ-2017», секция корпоративного права (НИУ ВШЭ, март 2017 года);
- 2) IX Международный конгресс сравнительного правоведения «Правовые ценности в фокусе сравнительного правоведения» (ИЗиСП, 2 декабря 2019 года);
- 3) VI заседание Молодежного юридического клуба «Lex lata, lex ferenda», школа дебатов «Инвестиции: архитектура правового воздействия» (ИЗиСП, 12 декабря 2019 года);
- 4) XV Международная школа-практикум молодых ученых-юристов, круглый стол «Роль Конституционного Суда Российской Федерации в модернизации гражданского законодательства и процесса» (ИЗиСП, 27 мая 2020 года);

5) XV Ежегодные научные чтения, посвященные памяти профессора С.Н. Братуся, Международная научно-практическая конференция, круглый стол «Корпоративное право России: проблемы становления и развития» (ИЗиСП, 21 октября 2020 года).

Структура диссертационного исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, включающих в совокупности четырнадцать параграфов, заключения, списка сокращений и условных обозначений и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении автором обоснованы выбор и актуальность темы диссертационного исследования, указаны его цели и задачи, объект и предмет, определена степень разработанности темы, раскрыты методологические, теоретические, нормативные и эмпирические основы диссертации, сформулированы основные положения, выносимые на защиту, представлена теоретическая и практическая значимость результатов исследования и приведены данные об их апробации.

В главе 1 **«Непосредственная и опосредованная модели защиты имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ»** проведены анализ, сопоставление и разграничение двух моделей защиты имущественных прав и интересов участников: непосредственной и опосредованной.

В параграфе 1.1 **«Общая характеристика и отличия двух моделей защиты»** рассмотрены возможные формы причинения ущерба имущественным правам и интересам участников. В частности, показано, что такой ущерб может причиняться как посредством нарушения корпоративных имущественных прав, так и посредством причинения ущерба участнику как обладателю акций (долей) общества. Также обосновано, что имущественная ценность акций и долей предопределяется не только теми корпоративными правами, которые они предоставляют, но и имущественным положением самой корпорации, а потому факт причинения ущерба имущественному

положению корпорации может повлечь и ущемление имущественных интересов участников.

Далее в этом параграфе дана общая характеристика непосредственной и опосредованной моделям защиты (и корреспондирующим им прямым и косвенным искам) и критически проанализированы существующие в доктрине критерии их разграничения. По итогам анализа данных критериев мы приходим к выводу, что единственным универсальным и полностью обоснованным является только один из них - критерий адресата предоставления защиты. Наряду с этим критерием автором дополнительно предложен и обоснован критерий направленности защиты интересов для разграничения двух моделей защиты. Согласно данному критерию, непосредственная модель защиты направлена на защиту имущественных прав и интересов участников, в то время как модель опосредованная прежде всего преследует цель защиты корпорации (хотя в некоторых случаях могут косвенно восстанавливаться и имущественные интересы участников, данная связь не является линейной).

В параграфе 1.2 **«Правовой статус участника в рамках опосредованной модели защиты»**, с учетом рассмотренных ранее критериев разграничения двух моделей защиты, обоснован подход, согласно которому участник корпорации в рамках опосредованной модели защиты является ее представителем, действуя в ее интересах. Однако представительство участника носит особый характер: оно является исключением из общего правила, что обусловлено необходимостью преодоления конфликта интересов в вопросе о целесообразности защиты интересов корпорации на стороне тех лиц, которые обычно уполномочены действовать от имени корпорации (и, соответственно, необходимостью расширения круга потенциально незаинтересованных лиц). Данный подход противопоставляется другому подходу, согласно которому участник в рамках косвенного иска не является представителем общества и действует в собственном интересе.

В завершение параграфа 1.2 проблема разграничения двух моделей защиты и определения статуса участника в рамках опосредованной модели рассмотрена на конкретном практическом примере: в связи с проблемой исчисления субъективной исковой давности по производным искам. По результатам ее рассмотрения диссертантом предложено применять концепцию первого незаинтересованного лица для целей исчисления исковой давности, смысл которой раскрывается в диссертации.

Наконец, в параграфе 1.3 **«Проблема смешения непосредственной и опосредованной моделей защиты»** автор показывает, что, в условиях недостаточной разработанности в российском корпоративном праве непосредственной модели защиты, суды в целях защиты имущественных прав и интересов участников пытаются опираться на нормы об опосредованной модели, допуская их широкое толкование и отождествляя интересы общества и конкретных его участников. Диссертант обосновывает, почему такой подход является субоптимальным, в частности: (а) он не позволяет достигнуть цели эффективной защиты имущественных прав и интересов участников; и (б) отождествление интересов корпорации и отдельных ее участников при оспаривании сделки может представлять угрозу для стабильности хозяйственного оборота. С учетом этого в завершение главы 1 в качестве альтернативы предлагается развивать формы непосредственной модели защиты на уровне российского корпоративного законодательства.

В трех последующих главах диссертации автор обосновывает и разрабатывает специальные способы защиты имущественных прав и интересов участников в рамках непосредственной модели защиты.

Глава 2 **«Ответственность участника хозяйственного общества непосредственно перед другим участником»** посвящена институту прямой ответственности участника перед участником в форме возмещения убытков.

В параграфе 2.1 **«Обоснование *de lege ferenda* института ответственности участника перед другим участником»** рассмотрены

отдельные наиболее яркие примеры причинения одним участником непосредственного ущерба другому. Во всех таких примерах ущерб причиняется непосредственно имущественному положению участника, и он не является следствием ущерба корпорации, что делает совершенно неэффективной опосредованную модель защиты применительно к таким случаям. При этом возможные случаи причинения участнику непосредственного ущерба не исчерпываются рассмотренными примерами, что позволяет поставить вопрос о введении в российское корпоративное право института прямой ответственности участника перед участником в общем виде, не ограничиваясь отдельными ситуациями, которые ввиду многогранности хозяйственного оборота невозможно описать исчерпывающим образом в тексте закона.

Параграф 2.2 **«Ответственность участника перед участником по российскому праву»** содержит анализ уже существующих в российском праве примеров прямой ответственности участника перед участником в форме возмещения убытков. По результатам анализа диссертант приходит к выводу, что рассмотренные примеры норм российского законодательства либо являются крайне узкими с точки зрения сферы своего применения, либо очень неудачно сформулированы и не позволяют с опорой на них эффективно восстановить нарушенный интерес пострадавшего участника корпорации, либо имеются достаточно серьезные сомнения относительно того, можно ли из них в принципе вывести модель ответственности участника непосредственно перед участником. Соответственно, в условиях действия принципа специалитета корпоративной ответственности, подтверждаемого судебной практикой и доктриной, можно говорить об отсутствии в российском позитивном праве общего института прямой ответственности участника перед участником в форме возмещения убытков.

В параграфе 2.3 **«Ответственность участника перед участником с точки зрения опыта зарубежных государств»** диссертант обращается к опыту зарубежных государств (Франция, Германия, Великобритания и США)

и приходит к выводу, что всем этим юрисдикциям в той или иной степени известен институт прямой ответственности участника перед участником (или его функциональный эквивалент), в том числе в форме возмещения убытков. При этом, несмотря на объективные различия, обусловленные спецификой правовых систем каждой рассмотренной юрисдикции, все их роднит тот факт, что нормы этого института артикулируются законодателем (судами) с использованием достаточно широких и абстрактных категорий и не исчерпываются какими-либо узкими ситуациями.

Наконец, в параграфе 2.4 «**Основания ответственности участника перед участником**» *de lege ferenda* раскрыто содержание института прямой ответственности участника перед участником через призму основных элементов ответственности в российском гражданском праве: противоправность, ущерб, причинно-следственная связь, вина. В частности, с точки зрения противоправности, диссертант, раскрывая понятие фидуциарных обязанностей, обосновывает применимость данной категории к институту прямой ответственности участников. Несмотря на то, что в корпоративном праве традиционно принято оценивать через призму фидуциарных обязанностей поведение директоров корпорации, диссертант доказывает, что участники также должны нести фидуциарные обязанности перед другими участниками, хотя содержание и интенсивность фидуциарных обязанностей участников должны отличаться от фидуциарных обязанностей директоров, что обусловлено двойственным положением участников: имея при наличии необходимого количества голосов возможность предопределять и оказывать негативное влияние на имущественное положение иных участников, они при принятии решений также действуют в качестве собственников принадлежащих им акций (долей). В связи с этим диссертант предлагает рассматривать в качестве нарушения фидуциарных обязанностей участников перед другими участниками такие действия, которые приводят к извлечению участниками особых преимуществ, непропорциональных их доле участия, если в результате таких действий причиняется или создается

угроза причинения ущерба интересам других участников, и если такие действия не обусловлены интересами самого общества.

Наряду с классическими элементами ответственности автором также обосновывается применение правила делового решения к институту ответственности участника перед участником, что предполагает защиту решений участников от их коммерческой переоценки судом и существование презумпции законности корпоративного решения, которая, однако, может быть опровергнута участником, обращающимся в суд за защитой.

Глава 3 **«Защита имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ посредством возмещения отраженных убытков»** посвящена проблематике возмещения отраженных убытков участников как еще одна возможная форма защиты имущественных прав и интересов участников в рамках непосредственной модели защиты.

В параграфе 3.1 **«Понятие отраженных убытков»** раскрывается содержание категории отраженных убытков, которые участники корпорации несут вследствие причинения ущерба самой корпорации.

В параграфе 3.2 **«Основные политико-правовые аргументы в пользу и против допустимости возмещения отраженных убытков»** представлен развернутый политико-правовой анализ возможных аргументов в пользу и против введения правила о допустимости взыскания участниками отраженных убытков.

Применительно к аргументам в пользу взыскания отраженных убытков диссертант рассматривает ситуации, в которых опора на опосредованную модель защиты, реализуемую посредством косвенного иска, не позволяет эффективно восстановить косвенно нарушенный интерес участников, а взыскание отраженных убытков могло бы выступать в качестве альтернативного средства защиты. В то же время рассматриваются и возможные сложности, которые неизбежно возникают в случае введения правила о допустимости взыскания отраженных убытков.

По результатам политико-правового анализа автор предварительно приходит к выводу о принципиальной допустимости взыскания отраженных убытков, однако на исключительной и субсидиарной основе и при соблюдении определенных условий, указанных в диссертации.

В параграфе 3.3 «**Подходы к возмещению отраженных убытков в зарубежных правовых порядках**» рассматривается опыт Франции, Германии, Великобритании и США в контексте института отраженных убытков. По итогам сравнительно-правового обзора диссертант констатирует, что все рассмотренные юрисдикции чрезвычайно осторожно относятся к допустимости возмещения отраженных убытков. При этом если в Германии и Франции взыскание отраженных убытков в принципе не допускается, то для Великобритании и США характерен более нюансированный подход: недопустимость взыскания отраженных убытков и приоритет опосредованной модели защиты по общему правилу и возможность исключения из данного правила в отдельных ситуациях, рассмотренных в диссертации.

Параграф 3.4 «**Допустимость возмещения отраженных убытков по российскому праву**» посвящен проблематике отраженных убытков в российском праве в плоскостях *de lege lata* и *de lege ferenda*.

De lege lata в условиях действия принципа специалитета корпоративной ответственности взыскание отраженных убытков не представляется возможным с точки зрения российского права, что подтверждается и преобладающей судебной практикой.

De lege ferenda, с учетом анализа, проведенного в параграфе 3.2, диссертант предлагает допустить возмещение отраженных убытков по российскому праву, однако на исключительной и субсидиарной основе, при выполнении определенных условий, перечисленных в диссертации. Кроме того, к прямому иску о возмещении отраженных убытков также должны применяться некоторые ограничители, свойственные косвенному иску.

Глава 4 «**Защита права на получение дивидендов участниками хозяйственных обществ**» посвящена проблематике защиты права участников на получение дивидендов.

В параграфе 4.1 «**Право на получение дивидендов с точки зрения действующего российского законодательства**» диссертант констатирует, что в настоящий момент российское корпоративное право исходит из невозможности защиты участником своего права на получение дивидендов, если решение об объявлении дивидендов (распределении прибыли) не было принято общим собранием акционеров (участников). Между двумя формами права на получение дивидендов (а именно, право на участие в распределении прибыли и право участника требовать выплаты объявленных дивидендов) проходит граница в виде совокупности юридических фактов, ключевым из которых является решение корпоративного большинства. При отсутствии такого решения право миноритарного участника на получение дивидендов в большинстве случаев оказывается незащищенным.

В параграфе 4.2 «**Политико-правовой анализ права на получение дивидендов**» производится сопоставление особенностей дисперсной и концентрированной систем акционерного капитала через призму дивидендной политики. В рамках такого сопоставления автор показывает, что для стран с развитым фондовым рынком и высоким уровнем распыленности акционерного капитала вопросы распределения прибыли в основном не требуют своего урегулирования правовой системой, в то время как для стран с высоким уровнем концентрации акционерного капитала и менее развитым фондовым рынком проблема невыплаты дивидендов является гораздо более острой и не может быть решена только с опорой на неправовые механизмы. Соответственно, тот подход, который в настоящий момент нашел свое отражение в российском корпоративном праве, является более приемлемым для стран с низким уровнем концентрации акционерного капитала, к которым наша страна не относится.

Наконец, в параграфе 4.3 «**Защита права на получение дивидендов посредством специального способа и его соотношение с иными возможными способами защиты (анализ с позиции *de lege ferenda*)**» диссертантом обоснован и разработан специальный комплексный способ защиты права на получение необъявленных дивидендов, который следовало бы предусмотреть российским корпоративным законодательством. Предлагаемый способ защиты должен включать в себя три параллельно и в совокупности используемых средства защиты: (а) требование о признании недействительным решения общего собрания участников о невыплате дивидендов; (б) требование о признании решения общего собрания о выплате дивидендов принятым на условиях, указанных в решении суда; а также (с) требование об уплате участникам дивидендов в размере, определенном волезамещающим решением суда.

Параграф 4.3 содержит не только подробное обоснование данного способа защиты, но и анализ ключевых проблем, вытекающих из его возможной имплементации. Кроме того, производится сопоставление предлагаемого автором способа защиты права на получение необъявленных дивидендов с иными способами защиты.

В заключении диссертантом подводятся итоги и обобщаются основные выводы диссертационного исследования.

**Основные положения диссертационного исследования
отражены в научных публикациях автора:**

*Научные статьи в рецензируемых научных журналах и изданиях,
рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования
Российской Федерации для публикации основных научных результатов
диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук:*

1. Глазунов А.Ю. Право на получение дивидендов: экономический анализ и правовое регулирование // Закон. 2017. № 7. С. 160-174. (1,575 п.л.).
2. Глазунов А.Ю. Отраженные убытки в корпоративном праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 2. С. 140-172. (3,83625 п.л.).
3. Глазунов А.Ю. Исковая давность по косвенным искам участников и директоров хозяйственных обществ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 6. С. 136-166. (3,60375 п.л.).
4. Глазунов А.Ю. Ответственность миноритарных участников корпораций за нарушение фидуциарных обязанностей: возможна ли такая конструкция? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 4. С. 138-179. (4,8825 п.л.).
5. Глазунов А.Ю., Горчаков Д.С., Чупрунов И.С. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (часть 1) // Вестник экономического правосудия. 2020. № 10. С. 79-134. (6,51 п.л.).
6. Глазунов А.Ю., Горчаков Д.С., Чупрунов И.С. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (часть 2) // Вестник экономического правосудия. 2020. № 11. С. 101-171. (8,25375 п.л.).